

Содержание

ПИСЬМА 1917–1970. <i>Избранное</i>	7
ДНЕВНИКИ. <i>Выдѣржки</i>	181
1918	183
1935–1955	199
1964–1965	455
СТИХОТВОРЕНИЯ	463
Комментарии к письмам	487
Комментарии к дневникам	552
Эрих Мария Ремарк. Краткая биография в данных . .	592

Письма

1917–1970

Избранное

Георгю Миддендорфу. Бат. I.R. 15, II. Саперная рота Бетеборхгаут, 01.08.1917 (среда)

Дорогой Допп!

Лежу теперь в Торхауте в лазарете, но иду на поправку. Я почти не пострадал, легкие ранения, никаких болей, скоро уже все пройдет. Муку ты можешь на этот раз послать домой в маленьких полевых почтовых пакетах, хорошо упакуй — Луизенштр., 28. И еще сало в котелке. Мои чулки и прочие вещи можешь пока взять себе, я сообщу тебе мой адрес или скоро зайду сам. Здесь я могу основательно отоспаться.

Большой привет.

Твой

Эрих.

Георгю Миддендорфу. I.R. 77. Германская полевая почта 744

Дуйзбург, 25.08.1917 (суббота)

Дорогой Допп!

Как твои дела? Хорошо! У меня все в полном порядке.

Я уже бегаю, могу выходить, когда захочу, получаю добрую еду и сердечность — что еще можно пожелать! Мой запасной батальон I.R. 78 в Оsnабрюке. Туда меня позже отправят!

Здесь, в канцелярии, я получил должность писаря. Надеюсь остаться при ней подольше. Придется положиться на везение и старание. Когда ты меня наве-

стиши? Скоро? Учитесь ружейным приемам, или что там у вас? Уже побывали в окопах? Кто еще ранен? Как там наш любимый капрал? Передавай ему мой большой привет. Ты видишь, у меня куча вопросов, на которые ты когда-нибудь ответишь своему

Эриху Ремарку.

*Георгю Миддендорфу
Дуйзбург, 26.09.1917 (среда)*

Дорогой Допп!

Прости за долгое молчание. Умерла моя мать, поэтому я уехал в Оsnабрюк и мне было не до писем. Я тебе обо всем расскажу. Кольраутц, который получил ранение в живот, через несколько дней скончался. И представь себе: Тео Троске, раненный в пятку, получил еще три ранения в голову. Несчастный парень тоже умер через несколько дней. Вимана* я встретил в Оsnабрюке. У него осколочное ранение снизу через бедро в область живота. Осколок еще в нем. В. будет через несколько дней направлен в зап. батал. I.R. 15. Кранцбюлер потерял ногу до колена. Он в городской больнице и в очень плохом состоянии.

Мясник Товер ходит на костылях. Это была сердечная встреча! Да, ты еще не знаешь: у меня новое ранение в шею! В остальном в Оsnабрюке все по-прежнему. Я побывал в школе — Бок совсем плох! Он хочет поехать на воды. Я встретил его на Хазештр., когда он подвозил какую-то женщину, поскольку Клеменс исчез: «Черт возьми, фрау, где же Клеменс? Он, конечно, остался дома?» — «Да, парень, я не знаю. Я его не видела!» При этом Клеменс стоял рядом с ним и с ним разговаривал. «Вот как, тогда я вам желаю скорого выздоровления». В школе все как обычно. Папу Хильтера* я здорово вывел из себя. Еще бы несколько шпилек по поводу дезертирства, и я бы с удовольствием его покинул. Адольф

как раз купил огурцы, когда я пришел. Понимаешь, почти все 99-го года на фронте. Здорово, да?

Меня еще не скоро выпишут, раны зарастают плохо. Плевать! Не буду об этом сокрушаться. И как твои дела, Допп, мой дорогой? И что с моей постелью? И с Антигоной?* И как там с обмотками у маленького ефрейтора, и Шеффлера, и капрала? И со всеми короткими штанами? Если ты можешь мне написать адреса товарищей, напиши, пожалуйста. Большой привет Джонни, Боргельту, Трапхенеру и пр. знакомым.

И ты, дорогой Допп, в своих русских сапогах и со своей прожорливостью напишишь, конечно, и довольно скоро своему

Жиряге.

*Георгю Миддендорфу
Дуйзбург, сентябрь/октябрь 1917*

Блистательный Допп, мошенник мой любимый!

Сердечное спасибо за открытку. Итак, мои раны все еще не залечились. Но я принял меры, которые еще долгое время позволяют мне занимать койку в лазарете и дальше флиртовать с дочкой всемогущего госпитального инспектора*, а также помогать в качестве писаря канцелярского. Думаю, если вдруг чудесным образом не упадет кирпич с крыши мне на голову или что-то подобное ужасное не случится, то морозную зиму пережить удастся. Можно будет прогуливаться, когда захочется, шалить со стойкой рейнской девицей, устраивать фортепianneные концерты, изображая виртуоза, вызывать глубокое сочувствие у сестер из Красного Креста и провожать их до дома.

Таков субъект всеми здесь любимый. С отдельной комнатой и мягкой постелью. Музицирует, почтывает и вспоминает часто своих друзей, милый Допп! Хотел бы я таким хитрецом оставаться. Заходить в канцелярию и заигрывать с дочкой инспектора, давать уроки

музыки докторским детям. Оставаться в лазарете блестяще и смиренно едяще.

О великолепное жаркое свинячье!

Всем товарищам по саперной роте привет. Стارаясь быть хитрее и оставаясь самим собой
и товарищами любимым,

Жирующий!

Пиши же мне о своей жизни, как вы там. Имею большой интерес как пишущий роман*.

*Георгю Миддендорфу
Дуйзбург, 10.01.1918 (четверг)*

Дорогой Допп!

Сочувствую тебе от всего сердца! Вот дерьмо, в такой холод в воронках карабкаться, с застывшими ногами и руками стоять в карауле и вообще уже больше не быть человеком. К нам недавно пришел санитарный поезд из Камбрайя. Ребята тоже очень жалуются на холод и лед на фронте. У них притом ужасные ранения, ампутации, раны величиной с детскую головку, перебиты кости и подобное. Мне иногда кажется преступлением, что я здесь сижу в тепленьком mestечке. Как там, собственно, сейчас у вас? Расскажи мне об этом; ты знаешь, меня это очень интересует!

Тебя уже повысили в звании?

Есть ли уже у тебя знак отличия?

Сколько вас еще осталось?

Хочет ли Джонни все еще стать офицером?

Что поделывают Шеффлер и капрал возлюбленный?

О Зеппелях ты, конечно, тоже ничего не знаешь.

Где вы были на Рождество и на Новый год?

Впрочем, прими поздравления к обоим праздникам; чтобы ты сберег и дальше свое бренное тельце; возможно, с легким ранением попадешь в Дуйзбург. Тогда сразу получишь у нас назначение в канцелярию.

Я на Рождество и на Новый год не был в отпуске в связи с отменой отпусков.

Но Рождество и Новый год были здесь очень приятны. Медицинские сестры ходили с ангелочками и зажженной новогодней елкой, было много подарков в каждой палате, где бедные парни лежали в постелях и от волнения даже не могли петь старые рождественские песни. Многие прикрывали глаза руками, я видел, как взрослые люди плакали, как дети, и их сердечную тоску и тоску по дому доверяли белым подушкам. Я, собственно, должен был помогать при сюрпризах, так как каждому из раненых поручили вручить в подарок от города — по три буханки хлеба.

Это Рождество мы оба, пожалуй, никогда не забудем: ты в развалинах, крови, дерме и смерти; я в лазарете.

Но война все же скоро закончится, и мы снова встретимся.

Если я попаду в запасной батальон, я прежде всего посмотрю, удастся ли мне снова вернуться к вам. Я бы хотел снова оказаться вместе с тобой. Возможно, ты уже станешь капралом, и я попаду под твое командование. Но тогда тебе придется со мной непросто.

О семинаре я больше ничего не слышал. Я постараюсь узнать, что там нового, и сразу поделюсь с тобой. Или знаешь что? Что поделывают коллеги? Надеюсь, никто из них не погиб?

Огромный мирный привет.
Твой

Жиряга.

*Людвигу Бете
Дуйзбург, 19.10.1918 (суббота)*

Дорогой господин Бете!

Ваши стихи меня очень порадовали своим тонким стилем. У Вас я нашел то, что я особенно люблю — настроение! Я всегда представляю себе стихи как карти-

ну. Как в картине следует держаться совершенной гармонии линий и красок, избегая лишних цветов, выбирать очень тщательно, так и в стихах. Краски — это слова, и линии — это звуки. Надо тщательно подбирать каждое слово, каждое слово дает общей картине оттенок или цвет. Возьмем Ваше первое стихотворение. Если бы Вы сказали: «Из далеких лесов прихожу я», тогда бы с самого начала в стихотворении прозвучала бы робкая печаль, нежное веяние. Тогда бы показались и следующие слова о вечерней заре глубокими: «тяжелые кроны деревьев» и «поднялись выше башен». Вы должны были бы написать: «Из голубых лесов» — это подходит к глубине, к цветовому настроению стихотворения. Это создает прекрасную картину, голубые леса и красное золото вечера. То, что линии в картине, то и звучание в стихах. Под звучанием я понимаю скорее внешний выбор слов. Напр., слово в «Сумерках»: «Umwacht!» Очень здорово! Это великолепное мягкое w — «Umwacht» — сразу слышишь низкий темный звон колокола! Или: «Da fährt die Seele sacht» — здесь слышишь лодку.

Сон в сумерках. Тот, кто вдруг очнулся, медленно поднимает лицо, последнее сияние отражается в нем, он говорит из глубины своей взволнованной души. Это может быть началом вашего стихотворения. Это сумерки, но цветные. Не весенние — или осенние сумерки, — нет, эти сумерки — сумерки души! Мир дышит в Ваших стихах, но не глупый вечный мир, нет, это мир преодоления! Можно видеть, что Вы днем без устали бились над проблемой: Бог — Мир — Жизнь, — чтобы вечером открыть свои душу и сердце чудесному миру желаний всей природы. И вижу в Ваших стихах не только мечтателя, но и бойца! Зримое тому доказательство я нахожу в последнем стихотворении. Это Ваша манера, наша манера! Детская песня приносит избавление. Если кто-то ищет мира в Канте, Шопенгауэрे, Ницше и его не находит, тогда пусть ему при-

несет забвение и мечту сладкая песнь дрозда, блаженная арфа бродячего ветра. «Умиротворение – в тишине! Вечно мятежный дух! Это он! Вечное томление! Всегда желать большего, чем дано! Природа требует, чтобы я никогда не был доволен! Без устали дальше и еще дальше! Звезды как цель! Возможности растут с желаниями! Человек настолько ценен, насколько он идеалист! Я люблю людей, которые жертвуют идею свое бытие. Отчаянные! Неудержимые! Мы молоды, это великолепно!» – говорил Гете.

Ваш

Эрих Ремарк.

Лотте Пройс

14.11.1918 (четверг)

Лолотта!

Нашло безумие с паучьими лапами и когтями грифа из глухих углов бесформенного хаоса и снова вцепилось в мой лоб – но ночами я, скав зубы, боролся с ним и повергал его ясным щитом моей воли, но Оно снова ясно и торжествующе вставало надо всем! Теперь я опять в каменоломнях подоплеки мира, по ту сторону слов и ощущений, и вокруг меня простирается мировая скорбь, необъяснимая мировая скорбь – но такова судьба знающих.

О Лолотта, мне часто не хватает твоих рук – ибо лоб часто пылает от насмешек и вокруг рта горят морщины, морщины высокомерия, этого тяжкого проклятия (о мог бы я его отринуть; но это сомнительное существование снова и снова воспламеняет его во мне). Иногда ночами, Лолотта, ты бываешь со мной – ты сидишь у моей постели и говоришь: «Милый, любимый» – и все это были мечты о тебе!

Так течет день за днем – ноябрь со звоном распадается под моими руками, и все сияние осени раскалывается в моих вопрошающих глазах, – о, припади к моему